

Заметки на полях. Гид по выставке «Личный выбор: работы из частных коллекций современного искусства»

«Коллекционера поймут только после его исчезновения»

Вальтер Беньямин, философ

Мы рады приветствовать вас на выставке «Личный выбор: работы из частных коллекций современного искусства». Для этой выставки мы предложили российским коллекционерам выбрать одну работу из своей коллекции и попросили аргументировать свой выбор. Поэтому возле каждой работы вы сможете найти прямую речь коллекционера, где он отвечает на поставленный нами вопрос: «Что движет коллекционером, когда он приобретает ту или иную работу?»

Коллекционирование в России имеет давнюю традицию. Например, мы можем вспомнить собрание Сергея и Павла Третьяковых, подаренное городу. Но после революции 1917 года коллекционирование потерпело большой урон: коллекции национализировали, дробили, перепродавали, вывозили за границу, а сами коллекционеры зачастую были вынуждены играть роль хранителей при своих же собственных собраниях. Так, коллекции Сергея Щукина и Ивана Морозова, состоявшие по большей части из работ французских импрессионистов, современного им искусства, из рискованного увлечения превратились в наследие целой страны и были поделены между Эрмитажем и ГМИИ им. Пушкина.

А что коллекционируют наши современники?

«То, что ты всегда коллекционируешь, так это себя»

Жан Бодрийяр, философ

Энди Уорхол. Ленин, 1986

Работа из коллекции Владислава Доронина

Предлагаем начать просмотр выставки с работы классика поп-арта Энди Уорхола – человека, сделавшего объектом своего внимания Америку. Наряду с Мэрилин Монро и Элвисом Пресли в качестве иконы XX века предстает также и Ленин. Навязчивой идеей Энди Уорхола стало желание поставить производство картин на поток, поэтому он переходит к шелкографическому методу печати. В 1963 году Уорхол купил здание на Манхэттене, которое назвал «Фабрикой». Именно здесь сбылась его мечта о массовом создании произведений искусства. Для этого Уорхол нанял коллектив рабочих, которые под его руководством выпускали до 80 печатных произведений в день. Поэтому можно легко представить себе, сколько существует в мире счастливых коллекционеров – обладателей работ Энди Уорхола.

Но, создав «Фабрику», он всего лишь довел до индустриального уровня уже существующий порядок вещей – еще художники Возрождения использовали анонимный труд учеников для создания своих полотен. Вы можете посмотреть другие портреты работы Уорхола на выставке [«Энди Уорхол: 10 знаменитых евреев XX века» в Еврейском музее](#).

«Если она заканчивается, то это не коллекция, а мавзолей»

Мэриэл Сэйлем, коллекционер

Виталий Комар и Александр Меламид. Наташа с бюстом Сталина, 1982–1983

Работа из коллекции Дарьи Жуковой и Романа Абрамовича

Если на Западе одним из главных направлений был поп-арт, заимствующий из повседневной жизни образы и использующий язык рекламы, то в СССР его аналогом становится соц-арт, использующий язык идеологии. Участники Бульдозерной выставки 1974 года с работой [«Двойной автопортрет»](#) Комар и Меламид хитро используют пропагандистскую живопись, внешне подстраиваясь под ее канон.

Образ Сталина как величайшего гения человечества, отца, учителя часто использовался в официальной советской живописи, но в данном случае этот сюжет оказывается доведен до предела и диктатор становится еще и любовником, возлюбленным. Искусство, с точки зрения Комара и Меламида, должно быть применимо к жизни, и эта работа акцентирует внимание на нежных отношениях, которые народ имеет с властью, где художники стараются разоблачить механизм истории, не повторяя ее, но постигая с помощью искусства.

Константин Худяков. Анна, 2010–2013

Работа из коллекции Виктора Бондаренко

Если вы посмотрите налево, то увидите большую работу с множеством мелких деталей, которая поражает своей контрастностью и зияющей беднотой. На работе Константина Худякова, который использует достижения фотографии, составляя из многих снимков живописные коллажи, сидит женщина Анна, погруженная в уныние. Она, бывшая модель именитых советских живописцев братьев Ткачевых, сейчас находится на грани нищеты. После работ Уорхола и Комара и Меламида она предстает перед нами не иконой, не личностью, культ которой стоит разоблачать, а неизвестным персонажем из Истории, которой отдает должное художник.

Семен Файбисович. Поэт Лев Рубинштейн (из цикла «Московский метрополитен имени Ленина»), 1987

Работа из коллекции Игоря Маркина

Семен Файбисович не был известен как представитель московского концептуализма или соц-арта, который пользовался большим спросом на первых торгах советским искусством на аукционе Sotheby's в 1988 году. Продолжая использовать язык живописи, Файбисовичу удалось создать свою версию фотореализма. В отличие от сюжетов западных представителей он не использует яркие цвета и жизнерадостные мотивы. Для него важнее обратить внимание на магию советской повседневности, зафиксировав все ее серости и пустоты. Ну а взгляд поэта Льва Рубинштейна с этой работы уж точно многим запомнится. Обратите внимание на историю, которую рассказывает в своей речи Игорь Маркин, и подумайте, является ли коллекционер владельцем истории?

«Когда ты платишь высокую цену за бесценное, ты покупаешь это задешево»

Джозеф Дювин, коллекционер

Николай Наседкин. Присутствие, 2001

Работа из коллекции Михаила Алшибая

Завернув за угол направо после работы Комара и Меламида, вы окажетесь в небольшом зале. Перед вами работа Николая Наседкина, одного из представителей экспрессионизма в СССР. Художник работает с темой русского духа, «крови и почвы», которая черна как земля. Лес в огне, черные тени, сама текстура холста отсылают к череде кровавых событий. Среди его последних экспериментов – работы с нефтью как живописным материалом, самым российским из всех возможных.

«Живопись может занимать ключевое положение в коллекции - она все еще способна на это. Краски как таковые наделены алхимической привлекательностью»

Морин Рейли, галерист

Михаил Шварцман. Без названия № 9, 1987–1992

Работа из коллекции Иветы и Тамаза Манашеровых

Следующее загадочное произведение, белеющее напротив работы Николая Наседкина, принадлежит к периоду неофициального советского искусства, работам художников-шестидесятников, которые только открывали для себя наследие русского авангарда и его мистический характер, видение космоса Циолковским и иконичность Малевича. Используя шрифты и приемы супрематизма, Шварцман разворачивает свой собственный сакральный свиток; работы свои он называет «иературами», и расшифровать их не под силу никому. По словам самого Михаила Шварцмана, Малевич только подозревал Бога, а художник должен заниматься его утверждением.

Валерий Кошляков. Небоскреб (из серии «Новая архитектура»), 2002

Работа из коллекции Андрея Чеглакова

Творчество Кошлякова предстает единым проектом, на всем протяжении которого художник испытывает на прочность разные пространства: музеев и галерей, старых усадеб и фабрик – символов некогда могущественных советских индустрий. Здесь же он переходит от архитектуры старого мира к пространствам нового – небоскреbam, очищенным от советской идеологии, но по-прежнему отсылающим к области человеческих идеалов. Иллюстрируя эту архитектуру с помощью нового, но бедного материала – скотча, Валерий Кошляков продолжает развивать тему «иконуса» – условное название для предмета культуры

(объекта с музейным статусом) и одновременно «бескультурья», т. е. предмета грубой окружающей среды.

Сергей Братков. Лозунг («Да здравствует сегодняшнее плохо за то, что завтра будет хорошо»), 2010

Работа из коллекции Владимира Смирнова

После работы Валерия Кошлякова вы увидите большое панно со светящимися буквами. Сергей Братков не фотограф, следующий привычным формам художественной фотографии. Отойдите подальше. Как вы думаете, где разворачиваются события, представленные на фотографии? То, что с виду выглядит как политический протест, на самом деле всего лишь фотография публики во время рок-концерта. Сама работа представляет человеческую массу, кричащую своим коллективным телом «Да здравствует сегодняшнее плохо за то, что завтра будет хорошо». Действительно ли в этом есть надежда на наступление прекрасного завтра или же это крик отчаяния? Сергей Братков известен своим исследованием языка тела общества как посредника власти, среди его наиболее скандальных проектов – серия «Детки» (которую вы можете увидеть на выставке [«Реконструкция. Часть II» в фонде «Екатерина»](#)), где стирается грань между детским и взрослым языком тела.

«То, что начинается как времяпрепровождение, превращается в хобби, затем становится одержимостью и потом болезнью»

Говард Рачольфски, коллекционер

Александр Колдер. Треугольники, 1954

Работа из коллекции Константина Григоришина

В центре зала находится работа классика модернизма Александра Колдера под названием «Треугольники». Это самая старая работа,

представленная на этой выставке. Александр Колдер известен своими скульптурами-мобилями (так их назвал в 1931 году Марсель Дюшан) – абстрактными рисунками, воплощенными в трехмерном пространстве из промышленного металла. Мобили во многом выходили за пределы традиционного понимания скульптуры: они подвешивались и колыхались, и тогда тень от работы тоже становилась частью произведения. Уже позднее Колдер переходит к монументальным скульптурам из листовой стали, таким как эта, которые продолжают украшать площади многих городов мира.

Кенделл Герс. Знаки, принятые за чудеса (102), 2005

Работа из коллекции Андрея Третьякова

Работа «Знаки, принятые за чудеса» состоит из полицейских дубинок и отсылает одновременно к двум религиозным символам – кресту и звезде Давида. Художник родился в Йоханнесбурге во время апартеида в семье белого рабочего под именем Якоб Питерс Герс, но в 1968 году меняет свое имя на более провинциальное Кенделл и отказывается говорить на языке африкаанс (один из двух официальных языков режима апартеида). После публичного отказа служить в армии апартеида он был вынужден бежать и вернулся в Африку только после освобождения Нельсона Манделы. Неудивительно, что почти все его работы отсылают к различным механизмам социального контроля над человеком. Так, в этой работе религия и сила, которой наделено полицейское государство, – это инструменты репрессии, символическое изображение которых люди принимают за чудеса.

Андреас Гурски. Шарль-де-Голль / Париж, 1992

Работа из коллекции Александра Жукова

С виду это обыкновенная фотография переполненного аэропорта Андреаса Гурски, знаменитого своими большими форматами и заоблачными ценами. Но присмотритесь: не кажется ли вам, что уж слишком много эскалаторов? не повторяются ли люди? Андреас Гурски

искусственно увеличивает количество людей и масштабы происходящего, сплетая из привычных нам пейзажей многолюдных залов орнамент человеческих масс и индустриального наследия. Куда движется человек – к себе домой, как обычно, навстречу приключениям или же он путешествует в неизвестном направлении? Люди, масса людей, потеряны в самом перемещении.

Джейк и Динос Чепмены. Панно с черепами II, 1987

Работа из коллекции Дмитрия Разумова

Два брата, провокаторы и весельчаки, представители поколения Young British Artists («Молодые британские художники»), за создание которого частично ответственен коллекционер Чарльз Саатчи. Один из создателей маркетингового агентства Saatchi & Saatchi, он заинтересовался приобретением современного искусства и обратил внимание на группу молодых художников на выставке Freeze в 1988 году. Он ничего не приобрел во время этой выставки, но после нее начал активно покупать по низким ценам работы Дэмиена Херста и других участвовавших в ней художников. Спустя несколько лет он открывает свою собственную галерею, где и состоялась первая выставка под названием Young British Artists, куда помимо Чепменов вошли такие столпы современного искусства, как Сара Лукас, Трейси Эмин, Марк Куинн и Дэмиен Херст, работы которых можно было недавно увидеть в Мультимедиа Арт Музее. Активно покупая и продавая работы, Чарльз Саатчи приобретает репутацию «коллекционера коллекций», становясь активным участником арт-рынка, вкусы которого способны влиять на цены произведений искусства. Но в истории российского коллекционирования были и свои примеры: так, Сергею Щукину галеристы часто предлагали работы художников бесплатно, только чтобы затем упомянуть, что произведения этого художника есть в коллекции «у самого Щукина», тем самым подняв на них цену.

Эти забавные черепушки – вариации братьев Чепменов на тему войны. В своих работах они очень часто используют довольно серьезные темы: смерть, войны, исторические события. Но они не ставят своей целью рассказать о них, они лишь хотят подчеркнуть, что зритель при любых

обстоятельствах должен сохранять чувство юмора. К сожалению, после выставки «Конец веселья» в Эрмитаже в 2012 году по многочисленным жалобам публики государством была назначена проверка на экстремизм, после которой братья объявили: «Мы надеемся, что государственный прокурор, назначенный расследовать обвинения в экстремизме, примет наши экстремальные извинения», и зареклись не приезжать больше в Россию.

«Нет никаких правил по инвестированию. Акулы могут быть хороши. Кал художника может быть хорош. Масло на холсте может быть хорошо. Существует целый отряд консерваторов, который будет смотреть за тем, что художник назвал искусством»

Чарльз Саатчи, коллекционер

Сэм Дюрант. Dream More Work Less (Red), 2012

Работа из коллекции Алексея Кузьмичева

В этой понятной каждому работе с надписью «Больше мечтай, меньше работай» мы видим себя: зритель буквально становится частью произведения, хочет он этого или нет. Американский художник Сэм Дюрант уделяет большое внимание политическому языку, переплетая связи между определяющими моментами в развитии современного общества, такими как размывание границ между рабочим и свободным временем. Посеребренное вручную стекло покрыто эмалевым текстом из спреевого баллончика, ссылаясь на точную формулировку записи из оригинального источника. Эти анонимные слоганы взяты с рисунков граффити, найденных в городских районах, соседствующих с точками, где концентрировалось движение «Оккупай». Текст с улицы благодаря художнику перемещается в выставочное пространство, где сообщение без автора становится международным и достигает нового зрителя – посетителей выставок по всему миру, коллекционеров, галеристов, других художников – тех людей, кто также нуждается в этом совете, но не сможет увидеть его на улицах Нью-Йорка.

«– Какой период вы коллекционируете?»

– Сегодняшнее утро!»

Дэвид Тэйгер, коллекционер

Олег Целков. Пять лиц, 1980

Работа из коллекции Игоря Цуканова

Один из лидеров московских художников-нонконформистов, автор масштабных гротескно-сюрреалистических полотен, отличающихся интенсивным, светящимся колоритом. Настоящую известность Целкову принесли так называемые «морды» – яркие, близкие сюрреализму полотна с изображением круглоголовых человекообразных существ с обрюзгшими телами, глазами-щелочками и лицами наподобие приросших глянцевого масок. Олег Целков так говорит о своих работах: «Я не ставил задачи “срывать маски”, да и увидел я не плохое или хорошее, а нечто более подлинное, подкожное. А то, что у каждого из нас под кожей, сближает нас всех. Я не могу иметь конкретных претензий ни к одному человеку, но я имею более чем конкретную претензию к массе людей, которые друг друга унижают, мучают, отправляют на тот свет...» В своем тексте Игорь Цуканов говорит о том, что коллекционирование для него – это прежде всего грандиозный план по созданию музея русской послевоенной живописи, и Олег Целков – один из важных элементов его будущего музея.

Александр Бродский. Без названия, 2010

Работа из коллекции Дмитрия Аксенова

Архитектор и художник Александр Бродский не разграничивает эти две профессии: все его работы находятся на стыке, он художник-архитектор. Он часто работает с уже бывшими в употреблении архитектурными элементами – например, из множества найденных дверей для фестиваля «Архстояние» он построил «Ротонду», башню со множеством дверей по кругу, стоящую посреди зеленого поля; в любую из этих дверей можно

зайти, зажечь огонь в камине и слушать ветер, хлопающий остальными дверьми. Окна у Бродского такие же порталы в другие миры, как и двери: подглядывая в закрашенные белым окна, в корявые выцарапанные рисунки, мы пытаемся найти то советское, детское, что потеряли.

Олег Голосий. Мальчик и девочка в кроватках, 1991

Работа из коллекции Андрея Городилова

Сцена тихого часа в детском саду – дети в белых постелях. Но синие колготки висят на спинке кровати, мальчишеские трусики сняты. Дети смотрят друг на друга... а мы, смотря на эту работу, оказываемся в позиции наблюдателя, вуайериста, ждущего развязки. Едва ли не каждая работа украинского художника Олега Голосия кажется нам незавершенной, предполагающей развитие сюжета: дети пока не догадываются, кто придет к ним во сне и что их ждет впереди. Его работы часто сравнивают с мультипликационными сценами, где яркие цвета не предвещают беды, но что-то тревожное повисает в воздухе.

Жак Лейрнер. Свет 4, 2013

Работа из коллекции Ольги Ващиной

Современное искусство – это не только живопись, графика, фотография и скульптура, но и новые формы, не приспособленные для привычного расположения в жилом пространстве: инсталляции, видеоарт, веб-арт. Материал, используемый бразильской художницей, как правило, взят из повседневной жизни и банален, но всегда имеет личную связь с автором. Например, для работы Pulmão (1987) она собирала тысячи упаковок сигарет «Мальборо», которые продолжала покупать после того, как она бросила курить, и соединила их в скульптуру-ожерелье из пустых коробок. Такое собирательство и монотонность повседневного материала одновременно отсылает как к минимализму, так и к традиции arte povera (так называемого «бедного искусства» – бедного по используемым

материалам). В работе Nice to meet you, сделанной для Венецианской биеннале, она выкладывает в цепочку все визитки «больших шишек» из мира искусства – и череда имен становится цепью, социальной связью и цветовым потоком. Так и в этой инсталляции провод от лампочки принимает форму полотна, но наше внимание оказывается приковано к главной точке – свету в углу, где простая лампочка приобретает черты мистического огня, маяка в конце пути.

«Искусство – это интеллектуальный поиск. Это не сумочка и не кресло, а нечто иное. Тут надо думать, задавать вопросы и понимать»

Барбара Глэдстоун, галерист

Алексей Боков. Разборка в «Доме голубых листьев», 2005

Работа из коллекции Ольги Слуцкер

При просмотре работ из частных коллекций не стоит забывать о том, что почти все коллекционеры приобретали работы для себя и только немногие из них ставили себе целью создание музея. Завернув за угол, вы увидите вдалеке кадр из знакомого кинофильма. Эта работа представляет собой вариант сотрудничества между коллекционером и художником: мы видим сцену разборки в «Доме голубых листьев» из культового фильма Квентина Тарантино, только в качестве холодной О-Рен Ишии – владелица этой работы Ольга Слуцкер, а в качестве Черной Мамбы – художник Владислав Мамышев-Монро. Мамышев-Монро – культовый персонаж московских 90-х, постоянно перевоплощающийся в новых персонажей из массовой культуры, как советско-российской, так и американской. Он даже взял себе в качестве второй фамилии фамилию Мэрилин Монро, поскольку это был его любимый образ. Постоянное перевоплощение, эксперименты и примерка на себя новых образов-типажей из повседневной американской жизни – подобную стратегию жизнетворчества избрала также Синди Шерман, американская художница, ученица Джона Балдессари. Владислав Мамышев-Монро расширил ряд ее образов американских персонажей российскими: он перевоплощался во Владимира Путина и барышню-крестьянку, Любовь Орлову и простого солдата, мальчика-пионера и Владимира Ленина...

«Коллекционировать сейчас – это значит участвовать в моменте»

Роуз Фигерас, коллекционер

Владислав Мамышев-Монро. Из серии «Житие мое», 2003

Работа из коллекции Леонида Добровского

Эта работа продолжает традицию жизнетворчества Владислава Мамышева-Монро и создания мифологии вокруг собственной личности, когда сама твоя биография становится произведением искусства. В нетипичной для художника технике – витраже – он выстраивает свое собственное житие и рассказывает о своих искушениях: мы видим наркотики, дьявола с чертами лица самого художника, пожар в квартире и спасителя с лицом друга. К сожалению, в прошлом году Владислав Мамышев-Монро трагически погиб.

AES+F. Пир Трималхиона, 2009

Работа из коллекции Лена Блаватника

Другие титаны современного российского искусства – это группа AES+F (АЕС+Ф – это Татьяна Арзамасова, Лев Евзович, Евгений Святский и Владимир Фридекс), работающая с совершенно разными медиа: живопись, видео, скульптура, фотография. Но тема почти всегда остается прежней – прочтение на современный лад древнеримского литературного наследия. Так, «Пир Трималхиона» – это сцена из романа «Сатирикон» Петрония Арбитра, карикатура своего времени, а имя одного из героев, Трималхиона, обозначает в переводе «трижды противный». Церемония пира начинается с омовений. Блюда, подаваемые гостям, одно диковиннее другого, сопровождаются шутками и прибаутками слуг, комментариями хозяина и обставляются соответствующим реквизитом. AES+F превращают сцену пира Трималхиона в рай пятизвездочного отеля с дорогими закусками и чернокожими слугами.

Олег Кулик. Космонавт (из инсталляции «Музей»), 2003

Работа из коллекции Екатерины и Владимира Семенихиных

Завернув за угол, вы увидите парящего под потолком космонавта в состоянии невесомости – восковую скульптуру «Космонавт» из серии «Музей». Космонавт – центральная фигура советской гордости, которую общество законсервировало в музее. Но какой это музей? Музей прошлого или будущего? Музей побед или поражений? Помимо анонимного космонавта (но однозначно советского), в эту серию входит также скульптура теннисистки «Спортсменка», отдаленно напоминающая Анну Курникову, и скульптура «Писатель», похожая на Льва Толстого, и если космонавт не выражает никаких эмоций, то лицо спортсменки искажено животной гримасой, жаждой победы. Сам Олег Кулик также уже стал персонажем в музее: он «человек-собака», приобретший такую известность после своей акции в 1994 году «Бешеный пес, или Последнее табу, охраняемое одиноким Цербером», в ходе которой он встал на четвереньки и лаял на все вокруг, срываясь с цепи и защищая искусство – то самое последнее табу, нарушив которое, государство уже не спасти.

«Попадание в музейные коллекции и – в меньшей мере – на выставки придает ценность произведениям современного искусства и в некотором смысле проецирует их в будущее, отводя им роль в заранее конструируемой истории»

Брюс Альтшулер, директор программ музейных исследований в Высшей школе наук и искусств Нью-Йоркского университета

Эван Пенни. Растянутая женщина № 2, 2007

Работа из коллекции Маргариты Пушкиной

Совсем другой в сравнении выглядит скульптура Эвана Пенни – растянутая женщина с тусклыми волосами и холодными глазами.

Художник стремится показать, что в современном мире невозможно существование отдельных медиа: с появлением интернета и расширением границ уже не будет «просто скульптуры» или «просто фотографии», все медиа призваны влиять друг на друга, деформируя и производя манипуляции друг над другом.

Ай Вэйвэй. Круг животных / Головы знаков зодиака: золотые, 2010

Работа из коллекции Леонида Фридлянда

Наше увлекательное путешествие по миру коллекционеров подходит к концу: по пути к выходу, по левую сторону от вас, остались лишь золотые головы знаков зодиака работы китайского художника Ай Вэйвэя. Ай Вэйвэй преследуется китайскими властями, поскольку активно критикует в своих работах государственную политику Китая. Работа «Круг животных» не исключение, она представляет собой точную копию императорских водяных часов (фонтана) в пекинском дворце Юаньминъюань, где когда-то жил император Цяньлун. Проект этого фонтана был разработан священником, а по совместительству архитектором, Мишелем Бенуа, а сами скульптурные изображения изваял итальянский монах-иезуит, миссионер и придворный художник китайского императора Джузеппе Кастильоне. Именно он построил сам дворец и прилегающий к нему сад. Впоследствии, в ходе интервенции Франции и Англии в Китай, дворец и сад были разрушены и разграблены, а трофеи растащены оккупантами по всему миру.

Ай Вэйвэй напомнил миру, что то, что считалось исконно китайским, было придумано и создано иностранцами. После того как он изготовил два варианта этих круговых скульптур – в бронзе и в золоте, – коллекционеры начали возвращать правительству Китая украденные головы, и на данный момент их вернулось уже семь.

До скорой встречи в Центре «Гараж»!

**«Если, увидев картину, ты испытываешь психологический шок —
покупай ее»**

Сергей Щукин, коллекционер

Автор: Мария Сарычева

Редактор: Анастасия Митюшина